

## СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

## DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья  
УДК 81'374  
doi: 10.17223/22274200/31/3

### Иллюстративная зона регионального словаря: структура и содержательный потенциал интенционально фрагментированных воспоминаний носителей говоров

Ольга Геннадиевна Борисова<sup>1</sup>, Людмила Юрьевна Костина<sup>2</sup>

<sup>1, 2</sup> Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

<sup>1</sup>ogborisova@mail.ru

<sup>2</sup>patriot30@mail.ru

**Аннотация.** На основе регионального словаря проанализированы структурные типы интенционально фрагментированных иллюстраций-воспоминаний. Показано, что, несмотря на фрагментированность, они обладают значительным информативным потенциалом, реализуя содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и оценочно-эмоциональную информацию. Отмечаются возможности использования иллюстративного мегатекста для разноаспектного изучения устных воспоминаний сельских жителей разных регионов России.

**Ключевые слова:** словарь, региональная лексикография, устные воспоминания, иллюстративная зона словаря, содержательно-фактуальная информация, содержательно-концептуальная информация, оценочно-эмоциональная информация

**Благодарности:** исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20008 «Устные рассказы-воспоминания жителей Кубани: лингвоконцептологический, лексикографический, образовательный и социально-гуманитарный потенциал».

**Для цитирования:** Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Иллюстративная зона регионального словаря: структура и содержательный потенциал интенционально фрагментированных воспоминаний носителей говоров // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 43–62. doi: 10.17223/22274200/31/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/31/3

## **The illustrative area of a regional dictionary: Structure and content potential of intentionally fragmented recollections of sub-dialect speakers**

**Olga G. Borisova<sup>1</sup>, Lyudmila Yu. Kostina<sup>2</sup>**

<sup>1, 2</sup> *Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation*

<sup>1</sup> *ogborisova@mail.ru*

<sup>2</sup> *patriot30@mail.ru*

**Abstract.** The article covers the various-aspect informative value of illustrative recollections in a regional dictionary. Its aim is to identify structural features of the illustrative area of the regional dictionary and its potential of presenting various types of information about antecedency. *An Essay on the Dictionary of Kuban Region Sub-Dialects* is taken as a source for examination, with a significant part of justifying examples therefor sampled from materials recorded by the authors of the article during multiyear dialectological expeditions. Pursuant to the purposes of lexicography, dialect macrotexts were subject to fragmentation, i.e. extraction of fragments of various size and structure in their shortened form. The article provides a graduated scale of intentional fragmentation by way of four structural types of intentionally fragmented illustrative recollections: illustrative recollections with actualized composition; illustrative recollections with reduced composition; illustrative recollections with zero composition; one-word remarks, equal to a dialect word, in an illustrative dialogue. The article demonstrates the informative potential of the identified structural types of illustrative recollections and its determinancy by volume. It defines the priority of illustrative recollections with actualized composition for communicating factual content. It also demonstrates that the informative value of illustrative recollections with reduced composition, as well as with the zero one, is ensured by presuppositions which exist in the subtext and must be present in the linguistic consciousness of the reader. The article notes the informative single-aspect feature of one-word remarks, equal to a dialect word, as part of an illustrative dialogue. The analysis of conceptual content, incorporated into illustrative recollections about singing and attitude towards singing in the past, proves the persistence of traditional cultural values of the Kuban Cossacks in the consciousness of Kuban region residents. The article concludes that the actualization of evaluative emotional content and conceptual content allows for illustrative recollections to be viewed as axiological texts by virtue of ethical and esthetical impact on the dictionary reader. In conclusion, the authors establish that the illustrative area of *An Essay on the Dictionary of Kuban Region Sub-Dialects*, due to broad presence of oral recollections therein, makes it a reliable

source for their various-aspect study, due to the fact that the dictionary reconstructs the world of the past and reflects ethnical beliefs of the Kuban region dialect community. The findings allow for the argument that the regional dictionary, with its position at the intersection of two directions of communicational impact, i.e. between the collector and the informant, between the dictionary addressee and the lexicographer, is able to provide a mediated communicative contact between the dialect speaker and the reader, making the voice of the narrator heard through space and time.

**Keywords:** dictionary, regional lexicography, oral memories, illustrative area of the dictionary, factual content, conceptual content, evaluative emotional content

**Acknowledgments:** The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-20008.

**For citation:** Borisova, O.G. & Kostina, L.Yu. (2024) The illustrative area of a regional dictionary: Structure and content potential of intentionally fragmented recollections of sub-dialect speakers. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 31. pp. 43–62. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/31/3

## **Введение**

В настоящее время возрастает интерес лингвистов к жанру устных воспоминаний (см. работы С.В. Волошиной, Л.Г. Гынгазовой, Т.А. Демешкиной, О.П. Кормазиной, Н.В. Лагута, Я.В. Мызниковой и др.). Чрезвычайно важным представляется изучение воспоминаний жителей разных регионов России, что позволит внести определенный вклад в исследование регионального варианта национального языка и мировидения его носителей.

Источники устных воспоминаний разнообразны. Ценные материалы о прошлой жизни могут предоставить региональные словари, многие составители которых, разделяя идеи антропоцентризма, уделяют особое внимание формированию иллюстративной зоны, стремясь соответствовать актуальному требованию лексикографии – отражать жизнь слова и жизнь человека в нём. Данные для региональных словарей собираются на основе словарных картотек, созданных в большинстве своем по результатам полевых экспедиций, в которых языковой материал собирается в процессе беседы с информантом. При этом значительная роль отводится методу ретроспекции, предполагающему постепенную смену картины современного диалектного ландшафта рядом реконструированных предшествующих ландшафтов прошлого, в силу чего основным содержанием бесед становятся вос-

поминания информанта. По этой причине в иллюстративной зоне регионального словаря значительную часть оправдательных примеров составляют отрывки из рассказов-воспоминаний.

Цель данной статьи – выявление структурных особенностей иллюстративной зоны регионального словаря (иллюстративный мегатекст) и её потенциала в представлении разных видов информации о прошлой жизни. Материалом для наблюдений послужили иллюстрации из «Опыта словаря кубанских говоров» [1] – словаря дифференциального типа, отражающего лексику и фразеологию кубанского диалекта на всей территории его бытования. Значительная часть оправдательных примеров отбиралась из материалов, собранных авторами статьи в полевых экспедициях 2005–2019 гг., – макротекстов, расшифрованных приёмом малограмотного письма, границы которых устанавливались на формальной основе, соответствуя зарегистрированной на аудионосителях непрерывной беседе с информантом. Такие диалектные макротексты обладают политематическим и полижанровым единством [ср. 2. С. 136]. При преобразовании в иллюстративный мегатекст они подвергаются лексикографом фрагментированию – выделению разнообъёмных и разноструктурных фрагментов в соответствии с целями лексикографирования. Таким образом, оправдательные примеры в региональном словаре являются *интенционально фрагментированными*.

Фрагментирование словарных иллюстраций обусловлено следующими факторами: 1) установкой (интенцией) лексикографа на раскрытие разноаспектных характеристик леммы; 2) объёмом речевого продукта, созданного диалектоносителем. Фрагментирование рассказов-воспоминаний сводит их содержание к усечённой структуре, которая может быть представлена на градуальной шкале интенциональной фрагментированности следующим образом: иллюстрации-воспоминания с реализованной композицией – иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией – иллюстрации-воспоминания с нулевой композицией – однословные реплики, равные диалектному слову, в иллюстрации-диалоге. Рассмотрим выделенные структурные типы более подробно.

### **Иллюстрации-воспоминания с реализованной композицией**

Ведущей интенцией лексикографа при составлении «Опыта...» было выделение в записях речи информантов «микротекстов, содержание которых направлено на семантизацию, лингвистическую и

экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой языковой единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи» [3. С. 13]. Именно таким иллюстрациям, или лексорассказам (буквально: *рассказ*, ключевой в котором является лексикографируемая лексическая единица – *лекс*), отдавалось предпочтение.

Чтобы придать словарной иллюстрации цельность и завершённость, составитель в процессе фрагментирования макротекста, сохраняя первозданность языкового материала, стремился выделить лексорассказ с реализованной композицией, т.е. включающий вступление, основную часть и заключение. Подчеркнём, что структура лексорассказа обусловлена отнесённостью речи информанта к определённом функциональному типу: повествованию, описанию, рассуждению.

Повествование, как известно, обладает трёхчастной структурой, в которой выделяются завязка (начало события), кульминация (развитие события) и развязка (конец события). См., напр.:

(Завязка) *Ну тогда, у три́цать три́тым, голодо́вка була́.* (Развитие события) *А мы с Ната́шэй вы́жылы. А пото́м як откры́лась у станы́ци дизинте́рия. Шо нэ ску́шае чело́вик, и обиза́тильно такы́й поно́с, такы́й и с кро́вью. Называ́юща «риза́чка» по-на́шиму языко́ви, шо мы бала́каим.* (Кульминация) *От э́та риза́чка и зари́зала Ната́шу.* (Развязка) *Остала́ся я одна́* (ст-ца Нововеличковская) [1. С. 353].

Частотность повествования в иллюстративной зоне обусловлена «приоритетностью эмпирико-событийного содержания <...> по отношению к содержанию обобщенно-логическому» [2. С. 134] в речи диалектоносителей.

Структура описания состоит из перечисления и раскрытия основных характеристик реалий. В «Опыте...» весьма распространёнными оказались описания предметов старого быта. См., напр.:

*Комы́ш поко́сят. Була́ струга́чка. Жэ́ница на ту струга́чку ни потя́нит. Э́та з зубчи́ками, на дву́х дли́нных па́лках, дирежа́ка́х. И э́тими дирежа́ка́ми струга́ши на льду́, а пото́м згриба́ши. А пото́м приво́зят гарбу́, кида́им туды́ и вэ́зэ́м до до́му топы́ть* (ст-ца Канеловская) [1. С. 405].

Лексорассказы-описания – своеобразное продолжение толкования леммы, дополняющее его ценными деталями, что особенно важно в воспоминаниях о реалиях прошлого.

Третий функциональный тип текста – рассуждение, в котором информант излагает, подтверждает или опровергает какую-либо мысль. Композиция лексорассказа-рассуждения обычно состоит из тезиса, аргументов и заключения. См., напр.:

(Тезис) *А я нэ хоте́ла за ёго выхо́дить за́миж, (Аргументы) потому́ шо у мэ́нэ систра́ два́цать пя́того го́ду и брат дваца́того го́ду – ныжына́тый, потому́ шо вин на костыля́х ходы́в. Потому́ шо тоди́ был поря́док такы́й, шо е́сли я вы́йду за́миж, а ти оста́нуця, то як вроди́ я их пид ко́рыто пидсады́ла. (Заключение) Ну така́ погово́рка, така́ посло́выця, шо я вроди́ прэдала́ их, пидсады́ла пид ко́рыто* (пос. Заречный) [1. С. 320].

Отметим, что для лексорассказов-воспоминаний «Опыта...» характерна неоднородность типологической структуры – совмещение двух типов речи [3. С. 324–327].

Среди иллюстраций заметно преобладание монологических над диалогическими, поскольку в роли информантов выступали, как правило, пожилые женщины, которым присущи развёрнутые монологи. См., напр.:

*Боле́зня була́ «со́яшныцы». То́чно ны зна́ю, как назва́ть. Но я сама́ в де́цтви, в двина́цать – тры́нацать лет пи́ринисла́ иё. Но, наве́рное, за́ворот ки́шк. Ду́жэ здо́рово боли́в жы́ви́т: спы́рва́ круго́м пу́на, а тоди́ весь жы́ви́т. Так боли́в, шо я по все́й доли́вки в ха́ти ла́зыла и кры́чала од бо́ли. Тоди́ назука́лы жэ́нщину. Вона́ мэ́нэ на́чала личи́ть. Я лягла́ на спы́ну, вона́ на пу́зо (жы́ви́т) поста́вила мы́ску з водо́ю (воды́ тро́шкы), в во́ду поста́вила глы́няный кушы́н, в ёго положи́ла па́кля с пряди́ва и запала́ла. А як заго́рилась па́кля, пы́рывы́рну́ла кушы́н вве́рх дном и потро́шкы, потро́шкы ста́ло мини́ лэ́хшэ, и я засну́ла – и пы́рыста́ло боли́ть* (ст-ца Азовская) [1. С. 394].

Лексорассказы-диалоги, как правило, представляют собой разговор собирателя и информанта. См., напр.:

*Я с му́жым жы́ла. У на́с три го́да не́ была дите́й. Ма́ть атвила́ з ба́пки, ана́ сказа́ла, што зала́тні́к ни на ме́сти. Ана́ мне всё напра́вила, увиза́ла, и я чыты́рэх ради́ла. – А золоти́к – это что такое? – Я вот сама́ ни зна́ю. Ба́пка мне ни абья́сни́ла. Там вну́три вот, где пуно́к. «Он ходи́т», – гавари́т. А йиво́ вот, как ля́жыш, па́льцэ́м на́жыма́иш, от ту́т, ни́жэ пупка́, и он, зала́тні́к, бьё́цца, как се́рцэ́* (ст-ца Владимирская) [1. С. 149].

Включение в иллюстративную зону словаря лексорассказов – иллюстраций-воспоминаний с реализованной композицией – позволяет обеспечить максимальное воссоздание естественной коммуникации на диалекте.

### Иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией

Композиция иллюстраций-воспоминаний может быть редуцированной, если в ней отсутствуют традиционно выделяемые структурные части, что зависит от зафиксированного речевого продукта, причем степень редукции композиции различна. См., напр.:

(Нет завязки) (Развитие действия) *А вжэ́ як привизлы́ конба́йн, як пусты́лы ёго, ба́бы крыча́т: «Ой! Пропа́л хлеб!»* (Развязка) *Мы ж рo-сты́лы, достава́лося го́рько* (хут. Братский) [1. С. 183]. (Завязка) *Нас Ку́ба́нь спаса́ла,* (Развитие действия) *да е́сли б ни пла́вня, мы б... ни зна́ю... Там чака́ныця́ ко́реньця́ копа́лы, а там ко́рень такы́й, высу́шым ёго, и мука́ пото́м ужэ́* (Нет развязки) (ст-ца Варениковская) [1. С. 451].

В редуцированном виде композиция может реализовываться и в рамках одного предложения. См., напр.:

(Завязка) *Тут нача́ла́сь война́́,* (Развязка) *и ко́нчилась моя́́ шко́ла, пи-шла́́ я робо́тыть* (с. Братковское) [1. С. 355].

Для предложений, из которых состоят иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией, характерна смысловая или (и) структурная неполнота. См., напр.:

*А дары́лись ни та́к... Усе́ бо́льша худо́бу, пасу́ду* (ст-ца Воздвиженская) [1. С. 91]. *Чирке́сы ча́ста напада́ли. Така́я жы́вуха тут была́́* (ст-ца Некрасовская) [1. С. 118].

Существенная особенность иллюстраций-воспоминаний с редуцированной композицией – наличие в них не выраженного вербально «глубинного» содержания, под которым понимается скрытая содержательно-фактуальная (рассказ о событиях прошлого) и содержательно-концептуальная информация (понимание рассказчиком отношений между событиями, их причинно-следственных связей, значимости в собственной судьбе, жизни диалектного сообщества, в сложном пси-

хологическом и эстетико-познавательном взаимодействии его членов) [4. С. 27–28; 5. С. 11].

В подобных словарных иллюстрациях универсальная текстовая категория связности проявляется между вербально оформленным содержанием и не оформленным словесно, но присутствующим в подтексте благодаря внетекстовым структурам, т.е. пресуппозициональным пластам лексических единиц, входящих в оправдательный пример. Эти пресуппозиции обеспечивают объёмность и многомерность содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации.

Так, содержание иллюстративного примера *Я ти́кы тры го́да була́ за́мужом. Вайна́...* (г. Кореновск) [1. С. 416] гораздо шире вербально представленного: между предложениями возникают причинные отношения, каузальность создается за счет актуализации универсальной логической пресуппозиции (*На войне гибнут мужчины*). Кроме того, диалектная ограничительно-выделительная частица *ти́кы* ‘только’, выступающая в роли леммы в словарной статье, в данном фрагменте играет особую смыслоорганизующую роль, поскольку делает возможным наличие дополнительного смыслового пласта: рассказчица после гибели мужа на фронте больше не выходила замуж, ее судьба была похожа на судьбы многих женщин, навсегда оставшихся вдовами из-за больших потерь мужчин на войне. Второе предложение *Война...* можно отнести к эллиптическим конструкциям, так как оно, будучи односоставным номинативным, формально полным, демонстрирует семантическую неполноту (на это указывает и многоточие, передающее соответствующую интонацию информанта). Подобные синтаксические единицы обладают «значительными смысловыми возможностями в силу того, что они своей лингвистической природой предназначены выражать подтекстное (скрытое) содержание» [5. С. 71]. Выразительность и воздействующая сила эллиптических конструкций обусловлена присутствующей в них недоговоренностью, которая, стимулируя воображение как слушателя, так и читателя словаря, как бы «деавтоматизирует» восприятие ими содержания высказывания, обеспечивая адресатам широкие возможности для восполнения скрытой информации при условии наличия у них широкого вертикального контекста (исторического, культурологического, лингвистического), в силу того что анализируемые эллиптические конструкции достраиваются посредством обращения к внетекстовой ин-



формации. Таким образом, не выраженное вербально «глубинное» содержание приведённого оправдательного примера включает как содержательно-фактуальную информацию, так и эмоционально-экспрессивную и содержательно-концептуальную: неупоминание, отнесение в подтекст событий и причинно-следственных связей между ними, восстанавливаемых из контекста, всегда носит концептуальный характер.

### **Иллюстрации-воспоминания с нулевой композицией**

Максимальной степенью редукции обладают представляющие собой единичное высказывание иллюстрации, которые можно рассматривать как конструкции с нулевой композицией, равные по структуре простому предложению или сложному с тесной связью частей: напр., сложноподчинённому нерасчлененной структуры с присловной связью, сложносочиненному или бессоюзному сложному, имеющим в своём составе анафорические элементы или другие средства связи. Они содержат информацию об отдельном (в некоторых случаях расчлененном) факте прошлого, являясь монопропозитивными или полипропозитивными. См., напр.:

*Малако́ дэ́ржа́лы в глэ́чиках* (ст-ца Динская) [1. С. 77]. *Вдо́ма на́шы стари́ хлип пэ́клы́, а на́м сюды́, у стэ́п, прыно́сылы ди́ты* (ст-ца Старомышастовская) [1. С. 43]. *Зем была́, ма́зали зем* (ст-ца Воздвиженская) [1. С. 146]. *Бы́ли ве́дьмы, като́рыи каро́в даи́ли и порчэ́ де́лали* (с. Кулешовка) [1. С. 320].

### **Однословные реплики, равные диалектному слову, в иллюстрации-диалоге**

Иллюстрации диалогической структуры могут содержать как развёрнутые ответы, так и воспоминания из однословных реплик, представляющих собой диалектный историзм или архаизм. См., напр.:

– Как называли железную обувь, в которой косили камыш по льду? – *Жыле́зныи чу́ни* (ст-ца Копанская) [1. С. 461]. – Как называлась керосиновая лампа? – *Га́сник* (ст-ца Тенгинская) [1. С. 74]. – Как называли приспособление для первичной обработки конопли? – *Те́рница* (ст-ца Ширванская) [1. С. 415].

Информант может также приводить синонимы: – Как назывался земельный надел казака? – *Пай, план* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 297]. Отметим немногочисленность таких оправдательных примеров в иллюстративном мегатексте «Опыта...» в силу их информативной одноаспектности – констатации устаревшей номинации в говоре.

### Содержательно-фактуальная информативность интенционально фрагментированных воспоминаний

Безусловно, объем иллюстративного материала детерминирует его информативность. Значительная часть оправдательных примеров в «Опыте...» включает содержательно-фактуальную информацию, что обусловлено как особенностями диалектной картины мира, в частности её конкретностью, слиянностью с природой, бытом, так и принципами сбора языкового материала для словаря. По содержанию иллюстрации-воспоминания тематически разнообразны. Представим это на примере отдельных тематических сфер.

*Быт: Ну быт був ду́жэ прасты́й, о́чинь всё про́ста-про́ста. От ще колы́ я ма́ла́ бу́ла, бабу́шка раска́звала, но вот ва́на сваё́ де́цтва ка́да́ вспамина́ла, гава́рила, шо у ни́х ище́ и тари́лак да́жэ тада́ не́ была. И ва́рылы ото́ карто́плю, ва́рылы карто́шку и ута́к высы́пали на сти́л пасриди́ни (ма́ма высы́пала и́ши). И ба́тько пэ́рвым бра́в оту́ карто́плю, а ужэ́ па́том де́тям мо́жна бы́ла и́ши бра́ты* (ст-ца Кущёвская) [1. С. 163].

*Одежда и обувь: А хо́дылы мы, де́тка, е́сли с ко́ня шу́ра и́ли с ко́ро́вы, то посто́лы по́шьёи, то нэ́ та́к во́да́ и́дэ. А с ко́зы, з бара́шкы, а нэ́ дай Бо́х ис сви́ны, как че́риз рэ́шыто́ во́да́ и́шла. Вот мы в че́м хо́дылы. Мы нэ́ по́нима́лы, шо та́ко́е ту́фли* (пос. Ахтырский) [1. С. 323].

*Постройки и их части: Тоди́ ли́скы бу́лы, пэ́рэла́зы бу́лы. Пэ́рэла́з, мо́жэ, хто́ нэ́ по́нима́е, шо цэ́ та́кэ? Ну пэ́рэла́зыть. То в ка́ли́тку, а то два́ сто́вбчика, и че́рэз ли́ску до́ще́чка, и по́ то́й до́ще́чки пэ́рэла́зылы че́рэз ли́ску* (ст-ца Марьянская) [1. С. 291].

*Реалии прошлого: – Как называлось то, на чём рубили дрова? – Ка́ло́да, дра́васе́ка. Чу́рба́к та́ко́й, ло́жыи на ни́е и ру́ба́иш. А щас бе́нзапи́ло́й* (ст-ца Линейная) [1. С. 106].

*Обрядность: Бу́л та́кы́й обы́чай: кла́лы ря́дно за во́ро́тамы и на э́том ря́дни та́нцо́ва́лы, во́до́й поли́ва́лы и бро́са́лы де́ньги, ме́лочь, а ниве́ста э́ту ме́лочь до́лжна́ бу́ла́ собра́ть, шо́б она́ бу́ла́ бо́га́та. А щас на ря́дни ни та́нцо́ють* (ст-ца Чебургольская) [1. С. 364].

*Великая Отечественная война: А ва́йне́ стра́шна фспамина́ть. У ми́ня сис́тру з ди́тьми, ка́да́ ва́куи́равались, ера́пла́н па́стриля́л* (ст-ца Тенгинская) [1. С. 154].

Работа в колхозе: *Бурыкы́ прорыва́лы, и ото́ два кило́метра го́ны, и мы прорыва́лы их на коли́нках* (с. Шабельское) [1. С. 84].

Группировка иллюстраций-воспоминаний по тематическим сферам позволяет продемонстрировать, что благодаря отдельным деталям, фактам, важным для носителей диалекта и потому всплывающим в их памяти, в воспоминаниях воскрешается дух времени, его восприятие в народном сознании.

### **Содержательно-концептуальная информативность интенционально фрагментированных воспоминаний**

Значителен потенциал оправдательных примеров в плане передачи содержательно-концептуальной информации, отражающей ценности диалектного сообщества как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни» [6. С. 26]. В лингвокультурологическом аспекте ценности изучаются в рамках аксиологической лингвистики, где под ними понимается положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, группы, общества в целом, отражённая в языке (см. работы Е.В. Бабаевой, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.). Во многом обусловленные эмоциями, ценности детерминируют действия человека, который не всегда осознает, что его поступки мотивированы теми или иными ценностями. Между тем многие из них осмысливаются людьми, представляются явными, как бы «материально» выраженными. Человек может их назвать, сформулировать основные характеристики. Такими осознаваемыми носителями кубанских говоров (далее – КГ) ценностями являются базовые ценности кубанского казачества: приверженность к православию, братство, любовь к Родине, государственность, справедливость и др. [7. С. 118–153]. Важное значение в казачьей среде придавалось сохранению народной культуры и памяти о прошлом, в чем большую роль играла песенная традиция. Для подтверждения её значимости кубанский этнограф Н.И. Бондарь цитирует «Кубанские областные ведомости» от 7 ноября 1912 г.: «Преступление – забывать родные песни. Эти песни – лучшая летопись нашего славного исторического прошлого» [7. С. 149]. Иллюстративный мегатекст «Опыта...» предоставляет богатый диапазон фрагментированных воспоминаний, способных выступать в роли фактической базы для реконструкции линг-

вокультурного концепта *пение* как «кванта переживаемого знания о том, что понимается как ценность» [8. С. 6]. Анализ оправдательных примеров подтверждает: умение петь, признание важной роли песни в жизни – одна из ключевых лингвокультурных ценностей в сознании носителей КГ. См., напр.:

*Казаки́ шу́стры таки́ бы́ли, танцо́ры и пе́сильники* (ст-ца Успенская) [1. С. 293]. *Дивча́та так спива́лы каза́чи пи́сни, прям заслу́хаи́ся* (ст-ца Новотитаровская) [1. С. 138]. *На стэпу́ собира́ймо́ся и спива́ймо, а колы́ в ха́ти собира́лысь. Ду́нька як начне́ выпива́ть* (ст-ца Сергиевская) [1. С. 65].

Многочисленны иллюстрации, в которых информанты вспоминают о том, что раньше песни исполнялись и под гармошку, и под *балала́йку* ‘балалайку’, но петь могли и без музыкального сопровождения:

*Ве́чирам вы́йдиши и как начне́ш плиса́ть пад я́зык, так аш хади́ сюда́* (ст-ца Выселки). *Но нам було́ хоро́шо: гра́лы пид язы́к, танцова́лы* (ст-ца Запорожская). *А е́сли нэма́ гармо́шки, то под язы́к: ля-ля-ля-ля-ля. И так танцу́им* (ст-ца Копанская) [1. С. 478]. *У ко́го была́ гармо́ня – на гармо́шки гра́лы, и спива́лы* (с. Новопавловка) [1. С. 73].

Пение, обладая очевидным энергетическим зарядом, эмоционально поддерживало сельского человека в его каждодневном труде. См., напр.:

*И ото́ мы как га́хнымо пе́сню. С пе́снямы идэ́м и на рабо́ту, и с рабо́ты. Пе́сня – ду́ша! (пос. Ахтырский) [1. С. 74]. Пома́зали* (‘обмазать глиной хату’), *пойи́лы, напы́лысь, постива́лы, погуля́лы – и по дома́м* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 314]. *У на́с так оцэ́ стро́ять: затыну́лы сво́лока – стол и писня́ка! Кры́шу укры́лы – стол и опя́ть. Вма́зали – стол и пе́сни!* (ст-ца Каневская) [1. С. 294]. *Свиклу́ но́чью грузы́ли, було́ хо́лодно, но всё равно́ йи́дут на машы́ни, навэрху́, пи́сни спива́ють* (ст-ца Платнировская). *З робо́ты иду́ть голо́дни, го́ли и спива́ють* (ст-ца Старокореунская) [1. С. 394]. *Ди́вки иду́ть, ви́лки на плэ́чи и спива́ють пи́сни* (ст-ца Старомышастовская) [1. С. 50]. *Мы ра́ньше на рабо́ти як работали́: тудо́ с пе́снямы и оттуда́ с пе́снямы, пе́сни дэ́рём на рабо́ти* (ст-ца Убинская) [1. С. 105].

Таким образом, песенное искусство помогало восстанавливать силы и укрепляло дух.

Песня для жителей Кубани – неотъемлемый атрибут праздников и обрядов. См., напр.:

*А козу' муцц'ны воды'лы. И спива'лы: «Ой, дэ коза' хо'дэ, там жы'то ро'дэ. Дэ коза' туп-туп, там жы'то сто куп» (ст-ца Дядьковская) [1. С. 120]. Шо спива'лы, колы' цидрува'лы? Цидри'вочка цидрува'ла, до ви-ко'нця прыпада'ла: шо ты, тётка, напыкла', нысы' нам до викна'. Пока' тётка донысла' соби' руки опыкла'... (ст-ца Дядьковская) [1. С. 475]. Ще таку' каля'тку спива'лы: «Я жы'то нэ жала, золотый крэст дэржа'ла» (ст-ца Нововеличковская) [1. С. 120].*

Без песен не обходилась ни одна кубанская свадьба:

*Щас сва'дба – вжык! Всэ – сва'дба ко'нчилась. А ра'нышэ вэдэ' жы-ны'х нывэ'сту з то'го кра'ю на то'й край, и за ным ти'чка людэ'й идэ' и спива'е (ст-ца Ахтанизовская) [1. С. 417]. Каравай кро'ят (ри'жут), а дру'жкы спива'ют: «Дружко' каравай кро'е, а дру'жкы за сти'л захы-ля'юцця, караваём запыха'юцця» (ст-ца Платнировская) [1. С. 194]. За-сва'тають, днё'жына идэ', свити'лка, спива'ють... Давнёшны сва'йбы (ст-ца Сергиевская) [1. С. 90]. Сва'дба була' така' га'рна: мы пи'сни спива'лы да так ло'вко спива'лы (ст-ца Старовеличковская) [1. С. 216]. Ниве'ста идэ' попэ'рэди, а ряд дру'жок изза'ди спива'ють (ст-ца Старотитаровская) [1. С. 316].*

Пение для кубанцев было своеобразным мерилом веселья, показателем удавшегося праздника. См., напр.:

*Бы'ло, на пра'зныки схо'дяцця, заспива'ють – и ла'мпы ту'хнут. Так спива'лы... (ст-ца Старокорсунская) [1. С. 139]. Тры дня гу'лялы, спива'лы так, шо у Пласту'новки було' чуть (с. Суворовское) [1. С. 297] (ст-ца Пластуновская находится по прямой на расстоянии 13 км от с. Суворовского).*

В песенной стихии коренные кубанцы ощущают себя совершенно естественно. Песня даёт эмоциональную и моральную поддержку в печали и горе. Приведём иллюстрации, в которых актуализируется стереотипизированная ситуация «пение овдовевших женщин о своей тяжёлой доле»:

*Як вэ'чэр, всэ схо'дяцця: сёдня пишлы' до ти'й, за'втра до ти'й ба'бы. И спива'ють... Спива'ють стра'шно, усэ' пи'сни спива'ють воны'. Зна'ши, чё воны' журя'цця? За мужэ'ямы, шо ра'но мужэ'й позабыра'лы, извыще'ння пополу'чала'... И воны' ото' журя'цця, и от тоскы' воны' спива'ють, вспо-мына'ють йх, чёлови'кив, якы' воны' булы' до'бри и хоро'ици (ст-ца Ахтанизовская) [1. С. 122]. Жэ'нщины спива'лы на свою' до'лю, шо оны' оста'лысь бэс чёлови'ка, а чёлови'ки у ни'х погы'блы вси на фро'нти (ст-ца Дядьковская) [1. С. 455].*

Иллюстративный материал демонстрирует: умение петь вызывало у станичников восхищение и уважение:

*Моя кума́ у гурти́ всигда́ выво́дыла, як спива́лы* (ст-ца Азовская) [1. С. 88]. *А цэ́й дя́дько́ Мыха́йло, цэ́й басова́л. Цэ́й так спива́л, аж ви́кна дрожа́лы* (ст-ца Северская) [1. С. 29].

Хорошо поющие станичники были желанными гостями на праздниках:

*На свайбы́ прывлаша́лы: я хоро́шо спива́ла* (ст-ца Курчанская) [1. С. 370]. *Я дружкува́ла. Всю станы́цю пэрэспива́ла. Да дэ́ тíко мэ́нэ нэ́ було́. Спива́ла, нэ́ да́й Бох как* (ст-ца Сергиевская) [1. С. 107].

Следует отметить, что, вспоминая о родителях, рассказчики часто подчёркивают их певческие способности. Выделение этого качества при характеристике близких людей обусловлено осознанием важности пения в жизни человека, которое воспринимается как одна из базовых ценностей. См., напр.:

*Па́па в ба́сыди спива́в* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 34]. *У мэ́нэ у ма́мы с па́пою була́ любы́ма пи́сня. Они́ иё́ ча́сто спива́лы: «Цви́тэ́ тэ́рэн»* (ст-ца Мингрельская) [1. С. 415]. *Ма́ма гру́дная была́, чирня́ва, дю́жэ спива́ла хоро́шо пэ́рвым* (с. Новопавловка) [1. С. 85]. *У на́с ма́ма хоро́шо спива́ла, и мы бага́то пе́син похва́талы од ма́мы* (г. Славянск-на-Кубани) [1. С. 394].

Способность петь для носителей КГ входила в ряд стереотипизированных характеристик будущего мужа, которые актуализированы в гадании на петуха: умение хорошо работать (если петух клюёт зерно), пьянство (если петух пьёт воду), красота или хвастливость (если петух смотрит в зеркало), нелюдимость (если петух прячется под кроватью). Приведём показательный контекст:

*На пы́тухи́в гада́лы. Пы́туха́ вна́сэ́м в двина́цать часо́в но́чи. Отпу́стым. Оды́н, быва́ло, во́ду начне́т пы́ть упэ́рэ́д. Цэ́ пья́ныця́ будэ́. А како́й за́спива́е – цэ́ будэ́ вэ́сэ́лый, спиву́н!* (ст-ца Журовская) [1. С. 394].

В иллюстративном примере *Пи́шки идэ́ш – всигда́ на доро́гу то ли бала́каши, то ли спива́ши* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 297] отражается гармоничная связь пения и говорения. Осознание её прослеживается и в другом фрагментированном воспоминании: *Пристра́ивали,*

как *щас* «цо́коль» называют, а то «пры́зба»... *Посида́ют на пры́збы и спива́ют* (ст-ца Копанская) [1. С. 337]. Сидение на *при́збе* ('завалинка вокруг хаты') или лавочке и ведение разговоров можно отнести к стереотипизированной ситуации сельского времяпрепровождения. Замена в приведённом высказывании разговоров пением органично свидетельствует о близости этих процессов, что находит подтверждение и в материалах словаря. Так, в КГ общерусский глагол *выгова́ри(ю)вать* (*вы́говорить*) зарегистрирован в значении 'петь': *У на́с хоро́ший хор был. Пака́ магла́ вы́гаварить стари́нны пе́сни – бра́ла. А щас ужэ́ ни вы́тину* (ст-ца Некрасовская) [3. С. 494]. А у лексемы *спева́ть* отмечен локальный ЛСВ 'долго и много говорить, твердить о чём-л.'

Информанты, вспоминая о месте пения в прошлом, с большим сожалением признают, что в настоящее время стихийная певческая традиция постепенно угасает. Как правило, в соответствующих иллюстрациях наблюдается противопоставление прошлого и настоящего – характерная для рассказов диалектоносителей антиномия «раньше – сейчас». Её маркеры могут быть как выраженными вербально, так и невыраженными, однако подразумеваемыми, легко восстанавливаемыми. См., напр.:

*Ра́ньшы лю́ды дю́жэ спива́лы* (ст-ца Вышестеблиевская) [1. С. 394]. *Щас нымо́дно. А тоди́ш то́ко пи́сни. А щас заспива́й. Так ска́жуть: «А шо ж воно́, чи пъя́ни, чи понапыва́лысь?»* (ст-ца Дядьковская) [1. С. 139]. *Эх, мы з дивча́тамы як далы́ писняка́!* (ст-ца Елизаветинская) [1. С. 294]. *Висило́ было́: на машы́ну се́ли – и писняка́ даём* (ст-ца Линейная) [1. С. 294]. *Ра́ньшы спива́лы. А щас: яко́й пра́зник – усе́ упу́лыся у тили́ви́зор* (с. Новопавловка) [1. С. 430]. *А ща́с е́сли где кто заспива́л, то зна́чить: ужэ́ вин пъя́ный* (ст-ца Новотитаровская). *Щас ныдэ́ ны почу́иш, шоб заспива́лы* (ст-ца Сергиевская) [1. С. 139]. *Щас так нэ́ спыва́ют, як ра́ньшэ́* (с. Цибанобалка) [1. С. 394].

Иллюстративный материал «Опыта...» посредством выражения содержательно-концептуальной информации убедительно демонстрирует: обращение носителей КГ к песенной традиции как основанию для сопоставления прошлого и настоящего является показателем того, что пение – осознаваемая ими базовая культурная ценность.

### **Оценочно-эмоциональная информативность интенционально фрагментированных воспоминаний**

Зафиксированные в словаре иллюстрации могут быть как нейтральными, так и эмоционально окрашенными, содержащими

оценку. Исследователи небезосновательно констатируют присутствие оценочной составляющей в любом проявлении эмоций, так как они «выражают оценочное отношение субъекта к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в этих ситуациях» [9. С. 411]. Кроме того, «язык не подтверждает безусловности оппозиции «рациональное – эмоциональное», поскольку одни и те же языковые средства служат выражению как рациональных, так и эмоциональных оценок, т.е. в языке зафиксировано представление о психике человека как о целостной сфере» [5. С. 48]. Таким образом, оценочность и эмоциональность можно рассматривать в неразрывном единстве. Анализ иллюстративного мегатекста продемонстрировал, что в иллюстрациях-воспоминаниях «Опыта...», содержащих оценку, проявляется богатая палитра разнообразных эмоционально-экспрессивных оттенков. К тому же нельзя не учитывать тот факт, что объект воспоминаний часто значительно отстоит по времени, которое не может не накладывать отпечаток на восприятие и оценку информантом когда-то пережитого. При этом, рассказывая о прошлом, он вспоминает как собственные чувства и эмоции, так и коллективные. См., напр.:

#### Отрицательные эмоции

Страх – *Як изду'майши, так стра'ино. Якэ' там ща'сте: лю'ди людэ'й йи'лы, ко'тив, жап* (ст-ца Сергиевская) [1. С. 153].

Ирония – *Сгарнизава'ли калхо'с. Лашако'в уси'х паби'ли. Заче'м лашаки', кады' тра'хтары буду'ть? То'льки кады' ани' буду'ть?* (ст-ца Тбилисская) [1. С. 416].

Обида – *Ось оби'дать... Ма'чуха ка'жэ: «Иды' ку'шать, я молочка' налы'ла». Якэ' молочко'... Пэрэго'н, оно' ужэ' скы'сло. Я той кы'слый пэрэго'н со слиза'мы ковта'ла* (ст-ца Староджерелиевская) [1. С. 290].

Сожаление – *Сэстра' в мэ'нэ мэ'ньша. Я до то'го йиш' люби'ла, з у'ма схо'дыла. Лу'че хай мэ'нэ два ра'за побы'ють, но йиш' шоб нэ бы'лы. А вона'... В нэй нэ було' жа'ли. Вона' мэ'нэ нэ жали'ла* (ст-ца Марьянская) [1. С. 116].

Ненависть – *Оды'н хло'пыць у мэ'нэ влюбы'вся. От мини' бида' була: глаз з мэ'нэ ны зво'дэ, да ще посады'лы за одну' па'рту. Я ёго пря'мо знынавы'дыла* (ст-ца Новомалороссийская) [1. С. 148].

Недовольство – *Я рабо'таю и спра'шую: «Па, мо'жно куплю' я часы'?» «Та, до'чка, будэм стро'иця, гро'ици нужни'». Я туди' рассэ'рдылася и кажэ': «Пиду' щас зави'сюсь»* (ст-ца Староджерелиевская) [1. С. 126].



#### Положительные эмоции

Радость – *Пэ́рвэ ма́я, яки́ ра́ди булы́. Ой! Пра́знык! Прывызу́ть мо-ро́жэное, прывызу́ть ситро́. Мы в о́чцирць стоимо́, дожыда́иш тэ мо-ро́жэно* (ст-ца Новониколаевская) [1. С. 100].

Восторг – *Мни було́ тада́ лит де́вяць, кагда́ ба́тько пасады́в ме́нэ на каня́ку и мы пайи́халы на стэ́п. Стэ́п така́ красы́ва, шо сказа́ць низ-зя́* (с. Большой Бейсуг) [1. С. 401].

Восхищение – *Муш был камбайне́р. Рабо́тать – душа́ дало́й! (ст-ца Архангельская) [1. С. 111]. Сва́дьбы гуля́лы на ко́нях. Ко́ни уряжа́емо. Красы́во так. Вот. Уряжа́лы о́чнь красы́во ко́нэй* (ст-ца Медведовская) [1. С. 430].

Ликование – *От я́кось у апрэ́ли, двэна́цотого числа́, був у на́с уро́к фыску́льтуры. Проводы́лы ёго на дво́ри. От прыбига́е мая́ подру́га Га́ля и крычи́ть: «Чёлови́к у ко́смоси!» А мы ка́жэм: «Нэ брэшы́!» А вона́: «Та нэ брэшу́ я! Чёснэ комсомо́льскэ, чёлови́к у ко́смоси!» Тут мы би́льшы нэ заныма́лысь, крыча́лы «ура́» и ра́довалысь* (ст-ца Гостагаевская) [1. С. 455–456].

Любовь – *Ма́тирць свою́ я так любы́ла. Була́ манэ́нькою, всэ за нэ́ю пла́кала вычи́рамы: боя́лась, шоб она́ ны вмэ́рла* (ст-ца Новомалороссийская) [1. С. 229].

Оценочно-эмоциональной информативностью обладают иллюстрации, в которых информант признается собирателю в нежелании вспоминать о прошлом в силу драматичности пережитых событий, что позволяет выделить в иллюстративных примерах такой вид пропозиции, как «констатация факта нежелания вспоминать». См., напр.:

*Ой! Як вду́маиш, так... нэ трэ́ба ёго и вспоми́наць* (хут. Беликов) [1. С. 49]. *Мая́ ты жа́лка́я, нэ на́до вспоми́наць то* (с. Новопавловка) [1. С. 115]. *А тада́ шо було́. Лю́ды людэ́й йи́лы. Нэ бу́ду да́жэць гово́рыць про́цэ, бо такэ́ нэ запи́сують* (ст-ца Новотитаровская) [1. С. 90].

Благодаря оценочности и эмоциональной окрашенности иллюстрации-вспоминания можно отнести к текстам аксиологического характера, поскольку они способны оказывать на читателя словаря воспитательное и эстетическое влияние.

## Заключение

Широкая представленность устных воспоминаний сельских жителей Кубани в иллюстративном мегатексте «Опыта...» делает его надёжным источником для их разноаспектного изучения. Несмотря на

интенциональную фрагментированность, оправдательные примеры содержат, как демонстрирует проанализированный языковой материал, различные виды информации – содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и оценочно-эмоциональную. Информативность иллюстраций детерминируется их объёмом. Усечённую структуру иллюстративных примеров, выделенных из исходных политематических и полижанровых макротекстов, можно представить на градуальной шкале интенциональной фрагментированности в виде следующих типов: иллюстрации-воспоминания с реализованной композицией – иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией – иллюстрации-воспоминания с нулевой композицией – однословные реплики, равные диалектному слову, в иллюстрации-диалоге.

Значительная часть иллюстраций-воспоминаний включает содержательно-фактуальную информацию, что обусловлено как спецификой диалектной картины мира, так и методами сбора словарных материалов. Тематически оправдательные примеры разнообразны. Наиболее приоритетными для передачи содержательно-фактуальной информации, а также для воссоздания естественной коммуникации на диалекте являются иллюстрации-воспоминания с реализованной композицией – лексорассказы. Информативны и иллюстрации-воспоминания с редуцированной композицией: содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация, вербально не реализованная в них, может быть воспринята благодаря находящимся в подтексте внетекстовым структурам – пресуппозициям – при условии их присутствия в языковом сознании читателя словаря. Информацию об отдельном факте прошлого содержат оправдательные примеры с нулевой композицией. Наконец, наименьшей информативностью обладают немногочисленные в «Опыте...» однословные реплики, равные диалектному слову, в составе иллюстрации-диалога, поскольку представляют собой только воспоминание о диалектном наименовании какой-либо реалии.

Анализ содержательно-концептуальной информации, заложенной в иллюстративном мегатексте «Опыта...», подтверждает устойчивость в сознании жителей Кубани традиционных культурных ценностей кубанского казачества, одной из которых является пение.

На фоне нейтральных иллюстраций-воспоминаний выделяются обладающие оценочностью оправдательные примеры, демонстрирующие разнообразие эмоционально-экспрессивных оттенков. Реализа-

ция оценочно-эмоционального потенциала в иллюстрациях-воспоминаниях, как и присутствие содержательно-концептуальной информации, позволяет признать их текстами аксиологического характера в силу нравственного и эстетического воздействия на читателя словаря.

«Опыт...», таким образом, посредством иллюстративного мегатекста реконструирует мир прошлого и отражает этнические установки кубанского диалектного сообщества. Находясь на пересечении двух направлений коммуникативного взаимодействия – собирателя с информантом и адресата словаря с лексикографом, региональный словарь способен обеспечить опосредованный коммуникативный контакт диалектоносителя с читателем словаря, благодаря чему многоголосие рассказчиков может быть услышано сквозь пространство и время.

#### **Список источников**

1. Борисова О.Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
2. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2016. № 9–10 (113). С. 133–138.
3. Борисова О.Г. Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2019. 612 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Ком-Книга, 2007. 144 с.
5. Исаева Л.А. Лингвистический анализ художественного текста: герменевтико-интерпретационный подход. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. 151 с.
6. Абушенко В.Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия. Москва : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. С. 26–29.
7. Бондарь Н.И. Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар : Традиция, 2019. 526 с.
8. Карасик В.И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике : материалы Междунар. науч. конф. Тяньцзинь, 2018. С. 3–11.
9. Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М. : Педагогика, 1983. 447 с.

#### **References**

1. Borisova, O.G. (2018) *Opyt slovarya kubanskikh govorov* [An Essay in Dictionary of Kuban Region Sub-Dialects]. Krasnodar: Kuban State University.
2. Kryuchkova, O.Yu. & Gol'din V.E. (2016) *Kommunikativnye svoystva dialektnoy rechi i spetsifika dialektного tekstovogo korpusa* [Communicative

properties of dialect speech and the specifics of dialect text corpus]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. 9–10 (113), pp. 133–138.

3. Borisova, O.G. (2019) *Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya* [Vocabulary and phraseology of modern Kuban dialects as a macro system: a model and its implementation]. Philology Dr. Diss. Krasnodar.

4. Gal'perin, I.R. (2007) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: KomKniga.

5. Isaeva, L.A. (2018) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta: germenevtiko-interpretatsionnyy podhod* [Linguistic analysis of a literary text: hermeneutical-interpretative approach]. Krasnodar: Kuban State University.

6. Abushenko, V.L. (2001) Aksiologiya [Axiology]. In: *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow: AST, Minsk: Harvest, Sovremennyy literator. pp. 26–29.

7. Bondar', N.I. (2019) *Drevo zhizni: ocherki traditsionnoy narodnoy kul'tury. Etnografiya, antropologiya, semiotika* [The Tree of Life: Essays on Traditional Folk Culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar: Traditsiya.

8. Karasik, V.I. (2018) [Values as culturally significant guidelines of behavior]. *Lingvokul'turnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike* [Linguistic and cultural values in language consciousness and communicative practice]. Proceedings of the International Conference. Tientsin. pp. 3–11. (In Russian).

9. Davydov, V.V., Zaporozhets, A.V. & Lomov, B.F. (eds) (1983) *Psichologicheskii slovar'* [Psychological Dictionary]. Moscow: Pedagogika.

#### **Сведения об авторах:**

**Борисова Ольга Геннадиевна** – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: oborisova0112@mail.ru

**Костина Людмила Юрьевна** – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: patriot30@mail.ru

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

#### **Information about the authors:**

**Olga G. Borisova**, Dr. Sci. (Philology), professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: ogborisova@mail.ru

**Lyudmila Yu. Kostina**, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: patriot30@mail.ru

**The authors declare no conflicts of interests.**

Статья поступила в редакцию 18.11.2023;  
одобрена после рецензирования 11.01.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 18.11.2023;  
approved after reviewing 11.01.2024; accepted for publication 01.03.2024.